Е.П. СУХОРУКОВА
(Волгоград)

РЕШЕНИЕ КАДРОВОГО ВОПРОСА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается кадровый вопрос в контексте образовательной политики российского правительства в период либеральных реформ 1860-х – 1870-х гг. Исследуется государственная политика по его реализации. Анализируются нормативно-правовые документы, выявляются механизмы решения кадровой проблемы в сфере правового образования.

Ключевые слова: *правовое образование, Российская империя, кадровый вопрос, либеральные реформы 1860-х – 1870-х гг.*

Система народного образования к середине 1850-х гг., сохраняя четырехуровневую структуру, претерпела серьезные изменения, в частности в сфере правового образования: от переименования факультетов, развития либеральных тенденций, преподавания широкого спектра юридических дисциплин до количественного сокращения профессорского и студенческого состава, сужения его социальной базы, утверждения государственной охранительно-консервативной идеологии, препятствующей развитию гуманистических политико-правовых идей. Но с середины 1850-х гг. под воздействием внешне- и внутриполитических факторов ситуация в образовательной сфере, в частности в правовом (университетском) образовании, начинает изменяться.

Из восьми университетов, существовавших в Российской империи в пореформенный период, в шести законодательством закреплялся юридический факультет. Произошли изменения и в подведомственных учебных заведениях: Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский университет; Демидовский юридический лицей приравнивался к юридическому факультету университета; Нежинский юридический лицей изменил специализацию, став историко-филологическим институтом.

Реформирование среднего военного юридического образования привело к созданию первого высшего военно-юридического учебного заведения – Военно-юридической академии, законодательно утвержденной 17 июня 1878 г.

С началом реализации либерального правительственного курса, который был инициирован Александром II Освободителем, одним из самых актуальных вопросов, требующих введения эффективных мер в образовательной сфере, для развития правового образования стал кадровый вопрос. Профессор А.В. Никитенко, одновременно являясь помощником министра народного просвещения, указывал, что в шести вузах страны к началу нового учебного года (1862–1863) пустовала тридцать одна кафедра.

Только на юридическом факультете Петербургского университета не хватало пяти профессоров для преподавания как системообразующих юридических дисциплин («Государственное право Российской империи и энциклопедия законоведения», «Российские гражданские законы»), так и специальных («Сравнительная история положительных законодательств», «Гражданские законы царства Польского», «Уголовные и административные законы царства Польского»). И это притом, что количество студентов этого университета неуклонно росло. Вдохновленные начавшимися в стране преобразованиями, молодые люди стремились поступить именно на юридический факультет. Для сравнения приведем некоторые цифры. Так, если в 1855 г. набор студентов на факультет составил всего 19 чел., то выпуск 1860 г. превосходил предыдущий в четыре раза и составил 74 чел. [2, с. 15].

В «Записках для немногих» А.В. Головнина, министра народного просвещения до 1866 г., можно проследить первоначальный вопрос, волновавший государственного деятеля. Он касался именно профессоров, точнее недостатка кадров для преподавания в университетах. Так, А.В. Головнин указывает, что «в 1860-х гг. университеты наши хотя и были переполнены слушателями, однако находились вообще в положении весьма неудовлетворительном. Главные недостатки, которыми в то время более или менее страдали все наши собственно русские университеты, заключались в следующем: 1) в недостатке хороших профессоров» [1, с. 247]. Далее автор пишет о низких окладах профессорского состава, запутанной и излишне сложной системе сдачи экзаменов, которая позволяла занять профессорскую кафедру [Там же]. Безусловно, это не только

© Сухорукова Е.П., 2018

не способствовало профессиональному кадровому росту, наоборот, автор свидетельствует о значительном уменьшении числа профессиональных кадров. Часто кафедры занимались людьми, у которых отсутствовали ученые степени (что требовалось по уставу 1835 г.), научно-теоретический уровень был крайне низким, не хватало опыта в педагогической деятельности [1, с. 247].

Исследователи советского и современного периодов, обращавшиеся к истории развития образования в императорской России, естественно, затрагивали и кадровую проблему в отечественных высших учебных заведениях до и после принятия Университетского устава 1863 г. Практически все писали о такой мере, как стажировка молодых ученых в зарубежных вузах [6; 7, с. 221, 224; 8, с. 343–344; 10, с. 67–68; 11, с. 199–202]. Использовали такую практику и министры народного просвещения А.В. Головнин, а затем и Д.А. Толстой (но в меньших масштабах). Однако мало кто из авторов приводит примеры об отправке за границу молодых выпускников юридических факультетов «для приготовления к профессорскому званию» [8, с. 343]. Возможно, это объяснялось тем, что до реформы факультет готовил чиновников-законоведов, а значит, не было острой необходимости в заграничной практике, за исключением тех, кто специализировался на международном праве. После реформы создавались юридические общества, начали проводиться съезды юристов для обмена практическим опытом и обсуждения теоретических вопросов. Но все же существующая практика (еще с петровских времен) продолжала сохраняться.

Например, Л.Д. Дорн, выпускник Санкт-Петербургского университета юридического факультета 1860 г., благодаря полученной им Демидовской стипендии, смог осуществить научную поездку в Германию для изучения римского права и для получения степени доктора и звания профессора. По возвращении он стал преподавателем одноименной кафедры, а в 1886 г. – профессором после защиты диссертации [2, с. 36].

Другой выпускник 1863 г. по кафедре уголовного права Н.С. Таганцев, получив Демидовскую стипендию, также отправился в заграничную поездку в Германию. Возвратившись и защитив магистерскую диссертацию, начал преподавательскую деятельность на факультете университета в звании приват-доцента [Там же, с. 39]. Ф.Ф. Мартенс, будущий выдающийся российский правовед и дипломат, закончив юридический факультет в 1867 г., был направлен в заграничную командировку на полтора года, где в Австрии и Германии изучал международное право [2, с. 42–43].

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о том, что отправлялись студенты, специализация которых относилась к зарубежному праву. Этому есть нормативное подтверждение. С.В. Рождественский, описывая деятельность высочайше утвержденной Комиссии, исследующей работу министерства народного просвещения за 1863–1864 гг., приводит выдержки из распоряжения комиссии по вопросу отправки студентов на зарубежные стажировки: «1) посылать не иначе, как по указаниям университетов, и только тех, кои получили уже степень магистра или доказали свои способности преподаванием в высшем учебном заведении в течение не менее двух лет; 2) представлять избранных университетами кандидатов на утверждения министра; 3) отправлять за границу кандидатов лишь по тем кафедрам, по которым нельзя приготовиться в России» [6, с. 496]. Окончательный вариант документа, получившего название «Правила отправки студентов на зарубежные стажировки», был издан 27 марта 1867 г. [Там же, с. 497].

Безусловно, одни заграничные стажировки не могли обеспечить профессиональными кадрами развитие юридического, а точнее правового (в более широком смысле), образования в меняющейся стране. Поэтому разработчики нового Университетского устава предусмотрели решение и этого вопроса. Рассмотрим в этом ракурсе Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г.

В пункте 6 параграфа 42 университетскому совету предоставлялось право оставлять в вузе студентов-стипендиатов, успешно сдавших экзамены, для их подготовки к званию «профессор» [4, с. 626]. Устав утверждал новый институт приват-доцентуры. Приват-доцентами назывались частные преподаватели, взятые на кафедру сверх установленного штата, но при условии предоставления диссертационного исследования на тот факультет, где предполагают преподавать после публичной защиты (параграф 68) [Там же, с. 629].

А следующий параграф дополнительно обязывал тех, кто стремился к преподавательской деятельности и званию приват-доцента, прочесть две публичные лекции (одну по собственному выбору, другую – по тематике, предложенной факультетским собранием) [Там же, с. 629].

И только после успешного выполнения указанных условий, как фиксировал параграф 73, университетский совет, с утверждения попечителя, допускал лиц, «ищущих звания приват-доцента… к чтению курса по избранным ими науками», уже в этом звании [4, с. 630].

Приват-доценты по уставу не являлись штатными преподавателями, но документ регулировал в отношении этих сотрудников финансовый вопрос. Факультет писал представление, а университетский совет выдавал приват-доцентам «из специальных средств Университета соразмерное их трудам вознаграждение», записано было в параграфе 74 [Там же, с. 630].

С.В. Рождественский в своем фундаментальном труде приводит выдержки из записки А.В. Головнина «По поводу нового Университетского устава», в которой министр народного просвещения указывает, какое огромное значение придавалось введению этого института. Приват-доцентура – это, по мнению главного чиновника в образовательной сфере, «рассадник профессоров и главнейшее средство для замещения кафедр», что позволит «оживить университеты постоянным притоком новых и свежих сил» [6, с. 368].

Необходимо признать, что надежды данный институт оправдал, т. к. он действительно стал «рассадником профессоров». Многие известные в будущем российские правоведы начинали свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцентов: И.Е. Андреевский, А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, Н.С. Таганцев, А.Х. Гольмстен и др. [2].

Что касается штатных сотрудников, в параграфе 68 указывалось на обязательное получение степени доктора, чтобы стать ординарным или экстраординарным профессором соответствующей кафедры. А для получения доцентского звания, как свидетельствовал документ, необходимо было иметь степень магистра [4, с. 629].

Параграф 69 разрешал кадровый вопрос с помощью привлечения «не местных кадров». Для этого соискатели на звание профессора, доцента, приват-доцента обязаны были публично прочитать две лекции – «одну – на тему по собственному избранию, а другую – по назначению факультетского собрания» [Там же].

Документ прописывал и специальные меры (параграфы 70 и 71), чтобы обеспечить кафедры (в том числе юридического факультета) достаточным количеством преподавателей, соответствующих университетскому уровню. Сразу отметим, сохраняя традиционные способы расширения профессорско-преподавательского состава, но учреждая специальные, документ решал задачу подготовки талантливой молодежи к преподавательской деятельности, так сказать, в «собственной среде», через проведение открытого конкурса на вакантные должности штатных преподавателей. Он проводился факультетским собранием. Список баллотировавшихся на нем кандидатов передавался в совет университета. И далее параграфы подробно расписывали процедуру общего, но закрытого голосования на совете. Только тот кандидат, который получил абсолютное большинство «избирательных шаров», считался избранным [4, с. 630].

Одной из причин прежнего кадрового дефицита являлась низкая заработная плата преподавателей. Поэтому в день принятия устава Александр II подписал и Штаты императорских Университетов. Документ увеличивал годовое содержание преподавательского состава в два раза [Там же, с. 371].

Устав не только сохранял иерархию государственной службы, но производил преподавательский состав (профессоров и доцентов) «двумя чинами выше присвоенного их должностям класса» (параграф 137) [Там же, с. 637]. И приват-доценты «пользовались преимуществами классных чиновников» (параграф 138), до тех пор пока занимались преподавательской деятельностью [Там же, с. 637].

Да и для успешных студентов-выпускников имелась отличная возможность, как рассматривалось выше, начать преподавательскую деятельность либо идти непосредственно на государственную службу. Студенты-отличники приобретали чин X класса – коллежского секретаря, что давало возможность им занимать невысокие руководящие должности. Но данный чин считался в тот период хорошим стартом для продвижения по гражданской службе. Студенты, закончившие университет с дипломом второй степени (чин XII класса), получали чин губернского секретаря [2, с. 16].

Необходимо еще одно пояснение. Министр народного просвещения 4 января 1864 г. подписал новое Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (отменявшее аналогичный документ 1844 г.). Как свидетельствует С.В. Рождественский, «главным отличием нового положения стала большая специализация магистерских экзаменов, имеющая целью требовать от магистранта более глубоких и основательных знаний в избранной ими специально-

сти; поэтому увеличено было число разрядов магистров и докторов… по юридическому факультету – 7» [6, с. 424]. Далее пояснялось, что экзамены подразделялись на главные и второстепенные. Действительно, процедура усложнялась для магистров, которые в будущем допускались к преподавательской деятельности. Однако для получения высшей ученой степени (доктора) теперь не надо было сдавать устный экзамен, достаточно было защитить самостоятельное исследование диссертационного характера. Таким образом, предлагался еще один вариант для решения кадрового вопроса.

Трудоустройством значительного числа выпускников юридического факультета занималось непосредственно Министерство юстиции. Очевидно, что в период реформирования государственного аппарата (судебная реформа 1864 г.) требовались грамотные специалисты, а значит, ведомство предоставляло хорошо подготовленным выпускникам должности судей, следователей, нотариусов и др. [2, с. 16]. Исследователи истории юридического факультета Петербургского университета пишут, что «выпускников охотно принимали и в других государственных, коммерческих учреждениях. Многие выпускники выбирали “свободную профессию” присяжных поверенных», зарождавшуюся и стремительно развивавшуюся отрасль правового образования – адвокатуру [2, с. 16; 3; 9].

Стоит отметить, что Крымская война вскрыла не только проблемы технического характера, но и слабую кадровую подготовку военных юристов. Итогом правительственной политики в вопросе подготовки квалифицированных военных юристов стало преобразование Аудиторского училища в Военно-юридическое училище и создание при нем Военно-юридической академии в 1868 г., что приравнивало это учебное заведение к юридическому факультету университета.

Глубоко исследовавший данный вопрос Г.А. Решетов указывает на тот факт, что поступавшие туда офицеры обязаны были сдать предварительный и основной экзамены, которые включали следующие предметы: русский, французский и немецкий языки, русскую литературу, политическую историю, географию, физику, начальные основы химии, начальную военную администрацию, уставы внутренней и гарнизонной службы. Причем необходимо было набрать не меньше десяти баллов из двенадцати [5, с. 151].

Далее автор детально охарактеризовал процедуру отбора и зачисления, которая была многоступенчатой. Он правомерно указал мотивацию таких серьезных требований: «только офицер в зрелом возрасте и имеющий глубокие знания, получивший общее образование, хорошо знающий войсковой быт, может успешно выполнять обязанности на трудном поприще военно-судебной деятельности, требующей, наряду со знанием общих законов государства, основательного изучения военно-уголовного, военно-судебного и военно-административного законодательства и практики его применения в войсках» [5, с. 151–152].

По окончании одного курса и перевода слушателя академии на другой необходимо было успешно сдать экзамены по основным и вспомогательным дисциплинам. Причем каждый предмет оценивался в балльной системе – от 0 до 12. Считалось, что, если слушатель по каждому из них набирал не менее 10, у него есть серьезный шанс обучаться на следующем курсе. Не набрав определенного количества баллов, установленного положением Военно-юридического училища и Военно-юридической академии, слушатель отчислялся и направлялся в войсковую часть. Г.А. Решетов в этой связи делает важное и правомерное замечание, что «в отличие от нынешней практики вузов Министерства обороны РФ пересдача экзаменов не допускалась» [Там же, с. 152].

Автор указывает и другую причину, мотивирующую слушателей академии успешно учиться: сохранение во время учебы окладов по их прежней должности. Кроме того, они «получали квартирные деньги и другое довольствие на общих основаниях, им выплачивали деньги на учебные пособия» [Там же].

Итогом обучения (два года), согласно положению, являлось вручение квалификационного аттестата и право на ношение академического знака. Но это формальные признаки окончивших академию слушателей. Документ определял дальнейшую службу военных юристов. Получивших аттестат первого разряда (окончивших с «отличием») производили «в следующий чин с выплатой годового оклада», аттестат второго разряда обязывал выпускника возвратиться в свою часть [Там же].

После окончания все выпускники (являясь военнообязанными) поступали в распоряжение Главного военно-судебного управления. Они обязаны были в течение года пройти практику в окружных военных судах «для ознакомления со спецификой их деятельности и лишь после этого определялись на штатные военно-судебные должности» с доста-

точно высокими должностными окладами [5, с. 152–153].

Можно констатировать, что решение кадрового вопроса, который способствовал развитию правового образования в пореформенный период, шло в двух направлениях. Правительство озаботилось подготовкой юридических специалистов для гражданской и военной службы.

Механизмы по обеспечению юридическими кадрами были эффективными: сохранение заграничных командировок для углубленного изучения в первую очередь международного права и римского права; учреждение новых юридических кафедр, а следовательно, изучение новых, соответствующих развитию правовых отношений в российском обществе дисциплин; учреждение различных стипендий, дающих талантливой молодежи возможность подготовиться при кафедрах к профессорскому званию; образование юридических обществ при вузах, способствующих развитию научной и политико-правовой мысли; введение института «приват-доцентов», внештатных преподавателей, за счет которых пополнялся преподавательский состав; развитие образовательной инфраструктуры; наконец, увеличение должностных окладов в два раза.

Таким образом, реализация государственной образовательной политики в правовой отрасли в первое пореформенное десятилетие дала положительные результаты. Основным документом, определившим в том числе новый вектор развития правового образования, стал Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. В результате сложилась стабильная кафедральная структура, был преодолен кадровый дефицит, увеличился приток студентов. Для решения кадрового вопроса использовались эффективные механизмы.

Список литературы

1. Головнин А.В. Записки для немногих (Библиотека журнала «Нестор». Т. X.). СПб., 2004.

2. Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет / Н.Г. Мацнева, Е.А. Яцук, О.В. Анисимов [и др.]. СПб., 2012.

3. Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902.

4. Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 года // Полное собрание свода законов Российской империи. Т. 38. Отд. 1. № 39752. СПб., 1866. С. 621–638 [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека: [сайт]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=788&regim=3 (дата обращения: 23.08.2018).

5. Решетов Г.А. Организационно-правовые основы деятельности юридической службы вооруженных сил России в XVIII – начале XX в. (историко-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.

6. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб., 1902.

7. Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

8. Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007.

9. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006.

10. Эймонтова Р.Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. Т. 6. С. 61–74.

11. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. М., 1993.

* * *

1. Golovnin A.V. Zapiski dlja nemnogih (Biblioteka zhurnala «Nestor». T. X.). SPb., 2004.

2. Znamenitye studenty Sankt-Peterburgskogo universiteta. Juridicheskij fakul'tet / N.G. Macneva, E.A. Jacuk, O.V. Anisimov [i dr.]. SPb., 2012.

3. Karabchevskij N.P. Okolo pravosudija. Stat'i, soobshhenija i sudebnye ocherki. SPb.: Tip. SPb. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1902.

4. Obshhij ustav imperatorskih rossijskih universitetov ot 18 ijunja 1863 goda // Polnoe sobranie svoda zakonov Rossijskoj imperii. T. 38. Otd. 1. № 39752. SPb., 1866. S. 621–638 [Jelektronnyj resurs] // Rossijskaja nacional'naja biblioteka: [sajt]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=788&regim=3 (data obrashhenija: 23.08.2018).

5. Reshetov G.A. Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti juridicheskoj sluzhby vooruzhennyh sil Rossii v XVIII – nachale XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. … kand. jurid. nauk. M., 2002.

6. Rozhdestvenskij S.V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti ministerstva narodnogo prosveshhenija: 1802–1902. SPb., 1902.

7. Soboleva E.V. Organizacija nauki v poreformennoj Rossii. L., 1983.

8. Staferova E.L. A.V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshhenii (pervaja polovina 1860 gg.). M., 2007.

9. Troickij N.A. Korifei rossijskoj advokatury. M., 2006.

10. Jejmontova R.G. Revoljucionnaja situacija i podgotovka universitetskoj reformy v Rossii //

Revoljucionnaja situacija v Rossii v 1859–1861 gg. M., 1974. T. 6. S. 61–74.

11. Jejmontova R.G. Russkie universitety na putjah reformy: shestidesjatye gody XIX v. M., 1993.

The solution of the human resources issue in the field of legal education in the second half of the XIX century

The article consideres the human resources issue in the context of the educational policy of the Russian government during the period of liberal reforms of the 1860s – 1870s, as well as the state policy aimed at its implementation. Legal documents are analyzed, mechanisms for solving personnel problems in the field of legal education are disclosed.

Key words: *legal education, Russian Empire, the human resources issue, liberal reforms of the 1860s – 1870s.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2018)

И.В. ФРОЛОВА
(Череповец)

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАМКАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ*

Массовое передвижение населения в годы Первой мировой войны с западных и юго-западных регионов вглубь страны привело к созданию на местах особых структурных подразделений в рамках губернии, уезда и волости. Законодательно их функции были четко поделены. Фронт работ был достаточно широк. Рассматриваются особенности работы с беженцами в рамках уездного города Новгородской губернии Череповца.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Череповецкое уездное бюро по оказанию помощи беженцам, волостные комитеты.*

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война привела к тому, что перед властью и обществом встала серьезная проблема – масштабный поток беженцев. Важную роль в реализации государственной политики в отношении беженцев сыграли органы местного самоуправления (губернаторы и градоначальники, земские учреждения и городские общественные управления).

Условно можно выделить следующие категории беженцев:

– немецкие колонисты и евреи, которые были принудительно выселены в конце 1914 – начале 1915 г. из прифронтовой полосы по обвинениям в политической нелояльности и в ведении шпионажа [5; 8; 13];

– семьи служащих гражданских и тыловых военных учреждений, эвакуировавшихся на восток;

– жители территорий, которые принудительно «очищались» от населения при отступлении русских войск, использовавших тактику «выжженной земли»;

– население, добровольно бежавшее из приграничных губерний, не желавшее оставаться на линии фронта или на оккупированных территориях [7].

14 сентября 1914 г. было подписано Положение о Комитете Великой Княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, а циркуляром от 25 сентября 1914 г. в стране создавались местные отделения Татьянинского комитета [9, с. 27]. Для централизации деятельности губернских властей в конце июля 1915 г. был создан Временный Отдел по устройству беженцев. Тогда же было создано Особое совещание по устройству беженцев [11], при котором под председательством министра внутренних дел сосредотачивалось общее руководство (в рамках всей империи) [4, с. 20].

В марте 1916 г. были изданы Руководящие положения по устройству беженцев, согласно которым Всероссийские земский и городской союзы, Всероссийское общество попечения о беженцах, национальные общества и комитеты получали право заниматься организацией помощи беженцам [10, с. 2–3]. Всероссийские земский и городской союзы имели соответствующую инфраструктуру и опыт участия в эвакуации раненых, а также располагали финансовыми возможностями [1; 2].

Работа по организации и координации эвакуации беженцев из районов боевых действий и с близлежащих территорий была возложена на главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (на эти должности в июле 1915 г.

* Статья подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области (№ гранта 18-49-350002 р_а).

© Фролова И.В., 2018